

«Звучит в горах, весну встречая...»

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

«Звучит в горах, весну встречая...» «ЗВУЧИТ В ГОРАХ, ВЕСНУ
ВСТРЕЧАЯ...»

Звучит в горах, весну встречая,
Ручьев прерывистая речь;
По сланцам стебли молочая
Встают рядами бледных свеч.

А на полянах влажно-мшистых
Средь сгнивших за зиму листов —
Глухие заросли безлистных
Лилово-дымчатых кустов.

И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены.

16 февраля 1910 г., Коктебель.

• Сказание об иноке Епифании» М. Волошин

1.

Родился я в деревне. Как скончались
Отец и мать, ушел взыскати
Пути спасения в обитель к преподобным
Зосиме и Савватию. Там иноческий образ
Сподобился принять. И попустил Господь
На стол на патриарший наскочити
В те поры Никону. А Никон окаянный
Арсена-жидовина
В печатный двор печатать посадил.

Тот грек и жидовин в трех землях трижды
Отрекся от Христа для мудрости бесовской
И зачал плевелы в церковны книги сеять.
Тут плач и стон в обители пошел:
Увы и горе! Пала наша вера.
В печали и тоске, с благословенья
Отца духовного, взяв книги и иная,
Потребная в молитвах, аз изыдох
В пустыню дальнюю на остров на Виданьской –
От озера Онега двенадцать верст.
Построил келейку безмолвья ради
И жил, молясь, питаюсь рукодельем.
О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
Я образ Богоматери с Младенцем –
Вольяшный, медный – поставил ко стене:
«Ну, Свет-Христос и Богородица, храните
И образ свой, и нашу с вами келью».
Пришел на третий день и издали увидел
Келейку малую как головню дымящу.
И зачал зря вопить: «Почто презрела
Мое моление? Приказу не послушала? Келейку
Мою и Твоея не сохранила?» Идах
До кельи обгорелой, ан кругом
Сенишко погорело вместе с кровлей,
А в кельи чисто: огонь не смел войти.
И образ на стене стоит – сияет.

В лесу окрест живуще бесы люты.
И стали в келью приходить ночами.
Страшат и давят: сердце замирает,
Власы встают, дрожат и плоть, и кости.
О полночи пришли однажды двое:
Один был наг, другой одет в кафтане.
И, взяв скамью – на ней же почиваю, –
Нача меня качати, как младенца.

Я ж, осерчав, восстал с одра и беса
Взял поперек и бить учал
Бесищем тем о лавку, вопиюще:
«Небесная Царица, помоги мне».
А бес другой к земле прилип от страха,
Не может ног от пола оторвать.
И сам не вем, как бес в руках изгинул.
Возбнухся ото сна — зело устал, — а руки
Мокром мокры от скверного мяса.

В другой же раз, уснуть я не успел —
Сенные двери пылко растворились,
И в келью бес вскочил, что лютый тать,
Согнул меня и сжал так крепко, туго,
Что пикнуть мне не можно, нидохнуть.
Уж еле-еле пискнул: «Помози ми».
И сгинул бес, а я же со слезами
Глаголю к образу: «Владычица, почто
Не бережешь меня? Ведь в мале-мале
Злодей не погубил». Тут сон нашел
С печали той великия, и вижу,
Что Богородица из образа склонилась,
Руками беса мучает, измяла
Злодея моего и мне дала.
Я с радости учал его крушить и мять,
Как ветошь драную, и выкинул в окошко:
Измучил ты меня и сам пропал.
По долгой по молитве взглянул в окно — светает.
Лежит бесище то, как мокрое тряпье.
Помале дрогнул и ногу подтянул,
А после руку...
И паки ожил. Встал, как будто пьян.
И говорит: «Ужо к тебе не буду, —
Пойду на Вытегру». А я ему: «Не смей
Ходить на Вытегру — там волость людна.
Иди, где нет людей». А он, как сонный,
От келейки по просеке пошел.

Увидел хитрый Дьявол, что не может
Ни сжечь меня, ни силой побороть,
Так насади мне в келию червей,
Рекомых мравии. Начаша мураши
Мне тайны уды ясть, и ничего иного —
Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне и больно — инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены проползают. Окопал я
Всю келейку и камнем затолок.
Они ж сквозь камни лезут и под печь.
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло — кусают.
Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесьей той напасти
Три было месяца. На последях
Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как, — все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить все стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесьей сей напасти».
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колика немощна вся сила человека.
Худого мравия не может одолеть,
Не токмо Дьявола, без Божьей благодати.

2.

Пока в пустыне с бесами боролся,
Иной великой Дьявол Церковь мучал
И праведную веру искажал,
Как мурашей, святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен Соловецкий,

Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение Царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне секли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил – думал
Души исходу лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серую еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку вполз и руку
Отсечену на сердце положил.
И чую: Богородица мне руку
Перстами осязает. Я Ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана.
Ощупал левой сеченую руку:
И пальцев нет, и боли нет, а в сердце радость.
Был на Москве в подворье у Николы
Угрешского. И прискачи тут скоро
Стрелецкий голова – Бухвостов – лют разбойник
И поволок на плаху на Болото.
Язык урезал мне и прочь помчал.
В телеге душу мало не вытряс мне,
Столь боль была люта...
О, горе дней тех! Из моей пустыни
Пошел Царя спасать, а языка не стало.
Что нужного, и то мне молвить нечем.
Вздохнул я к Господу из глубины души:
«О скорого услышанья Христова!»
С того язык от корня и пополз,
И до зубов дошел, и стал глаголить ясно.

Свезли меня в темницу в Пустозерье.
По двух годех пришел ко мне мучитель
Елагин – полуголова стрелецкой,
Чтоб нудить нас отречься веры старой.
И непослушным велел он паки
Языки резать, руки обрубать.
Пришел ко мне палач с ножом, с клещами
Гортань мне отворять, а я вздохнул
Из сердца умиленно: «Помоги мне».
И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
Как мне палач язык под корень резал
И руку правую на плахе отсекал.
(Как впервой резали – что лютый змей кусал.)
До Вологды шла кровь проходом задним.
Теперь в тюрьме три дня я умирал.
Пять дней точилась кровь из сеченой ладони.
Где был язык во рте – слин стало много,
И что под головой – все слинами омочишь,
И ясть нельзя, понеже яди
Во рту вращати нечем.
Егда дадут мне рыбы, шей да хлеба,
Сомну в единый ком, да тако вдруг глотаю.
А по отъятии болезни от руки
Я начал правило в уме творити.
Псалмы читаю, а дойду до места:
«Возрадуется мой язык о правде Твоя», –
Вздохну из глубины – слезишка
Из глазу и покатится:
«А мне чем радоваться? Языка и нету».
И паки: «Веселися сердце, радуйся язык».
Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?
Нет языка в устах, и сердце плачет».
Так больше двух недель прошло, а все молю,
Чтоб Богородица язык мне воротила.
Возлег на одр, заснул и вижу: поле
Великое да светлое – конца нет...
Налево же на воздухе повыше

Лежат два языка мои:
Московский – бледноват, а пустозерской
Зело краснешенек.
Взял на руку красной и зрю прилежно:
Ворошится живой он на ладони,
А я дивлюсь красе и живости его.
Учал его вертеть в руках, расправил
И местом рваным к резаному месту,
Идеже прежде был, его приставил, –
Он к корню и прильни, где рос с рожденья.
Возбнух я радостен: что хочет сие быти?
От времени того по малу-малу
Дойде язык мой паки до зубов
И полон бысть. К яденью и молитве
По-прежнему способен, как в пустыне.
И слин нелепых во устах не стало,
И есть язык, мне Богом данный, – новый –
Короче старого, да мало толще.
И ныне веселюсь, и славлю, и пою
Скорозаступнице, язык мне давшей новой.

3.

Сказанье о кончине
Страдальца Епифания и прочих,
С ним вместе пострадавших в Пустозерске:
Был инок Епифаний положен в сруб,
Обложенный соломой, щепой и берестом
И политый смолою.
А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.
Когда костер зажгли, в огне запели дружно:
«Владычица, рабов своих прими!»
С гудением великим огонь, как столб,
Поднялся в воздухе, и видели стрельцы
И люди пустозерские, как инок Епифаний
Поднялся в пламени божественною силой
Вверх к небесам и стал невидим глазу.

Тела и ризы прочих не сгорели,
А Епифания останков не нашли.

16 февраля 1929 г., Коктебель. Goşgular